

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 122—130.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 2. P. 122—130.

Научная статья.

УДК 930.1(470):321(410)“183/186”

EDN <https://elibrary.ru/oraqhs>

DOI: 10.46726/И.2026.2.15

АНГЛИЯ В ОЦЕНКАХ М.П. ПОГОДИНА: К ЭВОЛЮЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ ИСТОРИКА

Егор Дмитриевич Иванов

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,

г. Нижний Новгород, Россия, 79209292041@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются оценки, данные М.П. Погодиным социально-политическому строю Англии в 1830—1860-е гг. Побывав в 1839 г. в Лондоне, московский историк открыл для себя сильные и слабые стороны этого государства. Его отталкивали культ денег, социальное неравенство, коррупция, бессилие английской короны. Парламентские прения были, с его точки зрения, бесполезны. В то же самое время Погодину импонировала любовь англичан к истории, традиции, «обычаю». Английская аристократия показалась ему надменной, но все-таки «величественной». Промышленность и технические достижения ведущей буржуазно-капиталистической державы пленяли воображение. Загородная сельская местность, которую он наблюдал в окрестностях Лондона, выглядела безупречно, разбудив в Погодине либерально-реформистские надежды. Они, конечно, были приглушены в период внутривнутриполитической реакции рубежа 1840—1850-х гг. Но эпоха Великих реформ вернула их к жизни. Ратуя за буржуазно-капиталистическую модернизацию России, Погодин постоянно апеллировал к английскому опыту. Английские аристократия и парламент вызывали теперь уже не отторжение и скептицизм, а восторг. Гласность, пустившая корни в Лондоне, должна была, по его мнению, привиться и в России. Анализ английской темы в творчестве М.П. Погодина проводится, таким образом, параллельно с выявлением сдвигов в идейной позиции историка в целом.

Ключевые слова: М.П. Погодин, Б. Дизраэли, Р. Кобден, Ч. Непир, Е.П. Ковалевский, П.Д. Киселев, А.И. Кошелев, Англия, парламентаризм, аристократия, гласность, консерватизм, либерализм

Для цитирования: Иванов Е.Д. Англия в оценках М.П. Погодина: к эволюции общественно-политических взглядов историка // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 122—130.

Впервые оценки М.П. Погодиным Англии в 1839 г. рассмотрел биограф историка Н.П. Барсуков [Барсуков 5: 286—293]. Автор, пространно цитируя дорожный дневник Погодина, рассказал о пребывании его в Вестминстерском аббатстве, Британском музее, парламенте, театре, банке, Тауэре, купеческих амбарах. Обратил внимание Н.П. Барсуков и на отношение его к крестьянскому вопросу, английской аристократии. Текст автора, однако, носит описательный характер: в нем совершенно нет аналитики и выводов. Идейная сущность Погодина, оценивавшего английскую действительность, осталась неясной. В отличие от Н.П. Барсукова, В.К. Терещенко продемонстрировала несравненно большую исследовательскую культуру. Характеризуя Погодина-либерала начала 1820-х гг., она подметила любовь его к английской «частной свободе» [Терещенко: 58]. Даже

эволюционируя вправо в 1830-е гг., историк, по мнению автора, «пытался примирить охранительство (консерватизм. — *Е. И.*) с некоторыми из своих прежних (либеральных. — *Е. И.*) убеждений». «Он пытался понять новые экономические и социальные явления, связанные с развитием буржуазных отношений, — отмечала В.К. Терещенко, — ...Путешествуя по Европе (1813, 1839 гг.), он присматривался к состоянию торговли и промышленности, образования, государственного управления, положения различных слоев населения» [Там же: 117]. В политическом облике Погодина-консерватора 1830-х гг., — заключала автор, — можно обнаружить следы «влияния национально-романтического либерализма» [Там же: 136]. Из этих слов ясно, что Погодин, по мнению В.К. Терещенко, не отрекся совсем от буржуазности и либерализма в 1830—1840-е гг. К сожалению, этот вывод был проигнорирован А.Б. Давидсоном. «М.П. Погодин назвал английский банк золотым сердцем Англии, “а другое едва ли есть у нее”», — писал он в статье 1997 г., характеризуя англофобские настроения в русском обществе николаевской эпохи [Давидсон: 136]. Мнение Погодина оказалось здесь в одном ряду с оценками А.С. Пушкина, С.П. Шевырева, А.С. Хомякова и В.А. Соллогуба, консервативный смысл которых не вызывает сомнений. А.Б. Давидсону было ясно их идейное родство. Совершенно очевидно, впрочем, что одного предложения явно недостаточно для добротной характеристики погодинской позиции. Мало что дала и публикация К.А. Мазина [Мазин]. Эту недостаточность, кстати, почувствовала И.Р. Чикалова, подметив пространный характер погодинских рассуждений об Англии, содержащихся в его дорожном дневнике 1839 г. [Чикалова: 21]. И только О.С. Крюкова приблизилась к их анализу. Очутившись в Лондоне, Погодин, пишет автор, слушал выступавших в парламенте политиков, восторгался английскими «рассудком» и «пользой», находил Англию «любопытной» страной, в которой «все твердо, прочно, самобытно» [Крюкова: 73]. За рамками исследования О.С. Крюковой остались, однако, оценки, данные Погодиным английской промышленности, торговле, аристократии. Не раскрыто отношение историка к крестьянскому вопросу. Мнение его о британском парламенте требует все-таки более подробного освещения. Наконец, автор даже не пытается определить идейно-политическую сущность Погодина, оценивавшего английские реалии. Характерно, что любопытный нам сюжет не освещен и в монографиях таких крупных специалистов, как К.Б. Умбрашко, Н.И. Павленко¹, А.А. Ширинянец [Умбрашко; Павленко; Ширинянец].

Итак, оценки Погодиным Англии 1839 г. изучены недостаточно. Есть, кроме того, возможность сравнения их с более поздними, что позволит проследить динамику отношения Погодина к ведущей буржуазно-капиталистической державе XIX в. Анализ этой динамики, совпавшей со сдвигами в идейной позиции историка в целом, и есть цель настоящей работы. Погружаясь в тему, мы, разумеется, не могли миновать и сравнения экономической жизни Англии и России в 1830—1860-е гг.

Главным источником исследования служит, конечно, дорожный дневник Погодина за 1839 г. Нельзя, впрочем, обойтись и без публицистических и эпистолярных текстов историка, созданных как в период правления Николая I, так и в эпоху Великих реформ. Статья выполнена в основном на опубликованном материале, который изучен недостаточно. Выводы ее могут быть скорректированы в ходе дальнейшей работы автора в архивах.

У профессора Погодина не было никаких сомнений в том, что без европейской науки всякое цивилизованное государство было обречено на прозябание.

---

¹ Автор обратил внимание лишь на пребывание Погодина в Париже [Павленко: 258].

Политическая экономия, учение о «торговом балансе», «правило Адама Смита», уверял он студентов Московского университета в 1834 г., есть необходимое условие улучшения «внутреннего быта народов» [Погодин 3: 30—31]. Россия, конечно, не должна была остаться в стороне от этого процесса. Включенной в общеевропейскую семью Петром I, ей следовало обратить внимание на Англию, уже сумевшую обустроить благополучие своего «гражданского общества» при помощи полезных изобретений [Там же: 31]. Восприятие технических достижений, впрочем, не должно было вести к лакейству перед Европой. Вот почему Погодин ратовал за «самостоятельные труды» в науке, «без непосредственной помощи» «гордых англичан» [Там же: 42]. «Русская кровь заговорила в моем сердце», — признавался он, ополчаясь против «обид» и «оскорблений», которым подвергаются «наши ученые» от «чужеземцев». «О, Россия! <...> Тебе, тебе суждено довершить... развитие человечества», — выражал надежду историк, бичуя пришедший из Англии «эгоизм» (цит. по: [Шапиро: 380]).

У консерватора Погодина были все основания сомневаться в безупречности английского буржуазно-капиталистического строя. Приближаясь к Лондону, он, конечно, был поражен обилием пароходов на Темзе, дивился кипучей «торговой деятельностью» моряков. И все-таки первая же обобщающая оценка британской столицы содержала в себе некоторую долю скептицизма. «Вот он, всемирный базар, — писал Погодин, — вот столица народа купующего (покупающего. — *Е. И.*) и продающего, с похотью очей и гордостью житейской, который трудится изо всех сил, ломает себе голову и шею, ухищряется, выдумывает, мерзнет у полюсов и печется под экватором, — с одной целью приобретать все больше и больше; народа, который богаче и беднее всех в мире, у которого личное право развито наиболее, у которого дом есть крепость» [Погодин 1844: 177]. Погодин здесь, бесспорно, не обольщается достижениями буржуазного строя, оспаривая целесообразность тяжелого труда английского народа. Едва ли стоит, полагает он, «трудиться изо всех сил», «ухищряться», «мерзнуть у полюсов» ради бесконечного обогащения. Погодина явно отталкивает «похоть очей» и «житейская гордость» англичан. Подметил он и кричащее противоречие в английском обществе — социальное неравенство.

Со скепсисом продолжал Погодин свое знакомство с английскими порядками. Ему не составило труда обнаружить в обществе следы коррупции [Там же: 179]. «Мошенники, — опасался историк, — попадают здесь (в Лондоне. — *Е. И.*) на каждом шагу». Прогуливаясь по улицам английской столицы, русский путешественник наблюдал «разносчиков афишек», готовых приносить в жертву свое «человеческое достоинство» ради денег. «Что за унижительное положение для человека!» — досадовал Погодин [Там же: 185]. Подчеркивавший исключительно мирный, «любовный» характер взаимоотношений власти и народа в истории России, он видел здесь следы убийств королевских особ. «Здесь задушен тот, там повешен этот... Боже мой! Из чего состоит история!» — передавал он свои впечатления от мрачного Тауэра [Там же: 194]. Наконец, убежденный апологет абсолютистской власти, историк чувствовал бессилие английской короны. Споры в парламенте показались ему «скучными» и «дикими». «Сосед мой, — писал Погодин, — ругал лорда Станлея и приговаривал: вот он чего хочет! Как же! Хорош! <...> Члены его партии и противники выражали свое удовольствие и неудовольствие громкими криками и междометиями, точно как у нас слышатся иногда на улицах, в рядах или на охоте, когда псары пускаются на зайцев. Иностранцу странно слышать такие дикие вопли в высшем совете государства, среди самых важных рассуждений» [Там же: 188]. В парламентских прениях, — признавал все-таки историк, —

было много «рассудка», «пользы», респектабельности. И, тем не менее, смысла они не имели, поскольку результат был заранее предрешен.

Нашел ли Погодин что-либо симпатичное для себя в социально-политическом строе Англии? Да, несомненно. Ему, как консерватору, импонировала любовь англичан к истории, традиции, «обычаю». Следы «полубовного обхождения с остатками старины и древности» обнаружил он в том же Тауэре. Виндзорский замок, восклицал он восхищенно, был сама «средняя история» «со своими зубчатыми стенами, подозрными башнями, массивными воротами, мостами». Англиканская церковь поражала его своим «удивительным благоговением». Цельность, единство нации чувствовал он во всем: «от ростбифа, портера до роли, речи». Наконец, московский историк был поражен «гордостью», «независимостью», «спокойствием» английской аристократии. «Отворяются дверцы, и из каретки выскакивает Пери, румяная, белокурая, — делился впечатлениями Погодин. — <...> По всем движениям было видно, что она совершенно довольна собой, что она презирует или пренебрегает все; ничто не кажется ей важным, значительным; она ничему не удивляется; богатству ее верно счету нет, и она не знает цены ему, не понимая даже, что значит быть богатой, а еще менее, что такое нужда и бедность. Она не зависит ни от кого, ни от чего» [Там же: 211]. Аристократические независимость и богатство, бросившиеся в глаза Погодину, соседствовали здесь все-таки с десятками миллионов нищих. Громадное «различие между сословиями», ужасы социального неравенства возмущали русского путешественника, мечтавшего о заветном «сближении сословий». Но даже эти соображения социально-политического реализма не вели к отказу от первоначального восхищения. «Я стоял еще у крыльца, как леди и след простыл, — заключал он. — Вот она, английская аристократия. Кому придется топыриться за ней! Я не люблю ее, а признаюсь, она величественна...» [Там же].

Каково же было отношение Погодина к техническим достижениям ведущей буржуазно-капиталистической державы XIX в.? А.Б. Давидсон, как мы видели ранее, характеризовал его как отрицательное, приводя в качестве доказательства оценку московским историком лондонского банка [Давидсон: 136]. Пространные рассуждения Погодина оказались, таким образом, сведены всего лишь к одному предложению. Такой подход не назовешь корректным. В начале своих размышлений историк, действительно, весьма не восторженно отозвался о «золотом сердце» Англии. Но затем все-таки признал бесспорную прогрессивность «проворных» и «ловких» банкиров. «Англичанин не может держать золота своего дома: ему необходимо пустить его в ход, — писал Погодин. — Своего рода пропаганда! У нас, — признавал он, — толкуют много о торговле, не обращая внимания на характер народа. Никогда торговля наша не сравнится с английской, потому что она не в духе народа; <...> Купец у нас наживет капитал, бросает торговлю, не хочет подвергаться ее опасностям и отказывается от оборотов, а живет себе спокойно процентами. У англичан напротив: капитал чем больше, тем сильнее беспокоит его, и он пускает его в ход» [Погодин 1844: 190—191]. «Мы можем быть счастливы только дома, у себя, в своем семействе, в своей избе», — фиксировал он, характеризуя особенности «быта» «славян». Итак, Погодин подметил коренные, с его точки зрения, отличия английского банкира от русского купца. Последний, к сожалению историка, явно уступал «проворному» и «ловкому» англичанину².

² В этом утверждении, конечно, Погодин был не вполне прав — иначе невозможно объяснить бурную деятельность ивановских промышленников XIX в. — Грачевых, Куваевых, Бабуриных, Витовых, Гарелиных, Ямановских, Бурьлиных.

Обратил внимание Погодин и на другие достижения буржуазного строя. Только в «купеческих амбарах» на берегу Темзы он понял, какой размах может принять торговля. «Горы товаров» обнаружил он в лондонских магазинах, дивясь «богатству», «обилию», «полноте». Проведенный под Темзой тоннель, несмотря на некоторые изъяны, оказался «просторной, удобной, опрятной галереей». Сама постройка его, считал Погодин, доказала, что человек успешно «борется с природой и берет с бою всякий шаг в ее области». В лондонском почтамте не нашел он ни малейших следов пресловутого бюрократизма. Железные дороги были в его глазах «удивительным», «грандиозным» замыслом англичан. Поездка на омнибусе была «страшной», но все-таки захватывающей, «веселой», «с поэзией». Могучая английская промышленность, расположенная не только в Лондоне, но и в Манчестере, Бирмингеме, пленяла его своим размахом, качеством продукции. Наконец, быстроходными и удобными показались Погодину английские пароходы, способные в две недели достигнуть Нью-Йорка. «За лондонским мостом, — писал он, — мы сели на пароход, который должен довести нас почти до самого жилища. Мы проехали Темзу почти во всю длину. Красивый пароход был наполнен людьми как омнибус. И отдохновение, и прогулка, и путешествие!» [Там же: 199]. Москвичу Погодину, по его собственному признанию, было непривычно видеть «действие машин». «Точность заведенных часов», признавал он, перешла здесь во «всеобщее верование, для нас неизвестное».

Восторг от буржуазных достижений перемежался с внимательным наблюдением английской сельской местности вокруг Лондона. «Какая чистота, — описывал Погодин дорогу от Лондона до Хэмптон-корта, — стекла вымыты, задвижки вычищены, крыльца усыпаны песком, везде приметен праздничный день, что за порядок! Сердце радуется» [Там же: 201—202]. Задумывавшись о судьбе английского крестьянина, он невольно вспомнил нелегкую участь крестьянина русского. «Воображение, — писал он, — перенесло меня в те селения, казенные и помещичьи, которые случилось мне узнать коротко в продолжение моей жизни: я представил себе русского крестьянина — что у него есть и чего недостает, что он ест и чего не ест, что пьет, об чем думает и в чем полагает свое счастье» [Там же: 202]. Наблюдая благополучие и довольствие Англии, Погодин мысленно возвращался в Россию и возлагал надежды на П.Д. Киселева, Николая I. Меры «тихие», «спокойные» и «безобидные», писал историк с либеральным воодушевлением, должны улучшить жизнь крепостных крестьян. «Час самый сладкий, самый упоительный во всем моем путешествии! — заключал он. — О, никогда, никогда не позабуду я поездки из Лондона в Гамптон. Думал ли, что вскоре по возвращении из путешествия мечты мои будут осуществляться! Господи! Продли дни нашего великодушного Государя (Николая I. — *Е. И.*), и Дух Святой да наставляет Его во всех путях Его, ко благу Его, то есть, нашей возлюбленной России» [Там же: 203]. Что же явствует из этих рассуждений автора? Бесспорно, что перед нами либеральные надежды Погодина — сына крепостного, который, по верному наблюдению А.В. Почиваловой, «лишь волею судеб получил свободу» и «отрицательно относился к крепостническим порядкам» [Почивалова: 934]. Надежда его на меры «тихие», «спокойные» и «безобидные» есть не что иное, как симпатии к умеренному либеральному реформизму. Иначе и быть не могло в условиях благоустроенной сельской местности Англии, где сердце Погодина «радовалось».

Итоговые впечатления Погодин от английской действительности выглядели следующим образом. «Любопытна Англия! — восклицал он. — Как здесь все твердо, прочно, самобытно! Нельзя не отдать чести англичанам, хоть бы кто и не любил их! Жаль, что я мог взглянуть на них одну минуту. Французы — юноши

в сравнении с этими зрелыми мужчинами, которые знают, чего хотят и куда идут. Но не такого состояния желаю я моему отечеству!» [Погодин 1844: 215]. Последнее замечание автора выглядит, как нам представляется, явной натяжкой. Погодин, конечно, не желал появления в России парламента и аристократии. Его явно отталкивал дух бесконечного обогащения, унижения «человеческого достоинства» ради денег. Чаемое им сближение сословий не имело ничего общего с ужасами социального неравенства Англии. И все-таки именно благоустроенная сельская местность вокруг Лондона навела его на мысли о необходимости мер «тихих», «спокойных» и «безобидных» для России. Реформистские надежды на П.Д. Киселева, навеянные Англией, несут на себе отпечаток умеренного либерализма.

Английский «опыт» пригодился Погодину в 1850—1860-е гг. Проектируя создание Земской думы в период Крымской войны, требуя широчайшего распространения гласности, он невольно оглядывался на Англию. «Что ты надрываешься? — обращался он к Николаю I в конце 1854 г. — Работая так, ты утомляешься понапрасну и тратишь свои силы, для нас драгоценные. В Англии, — продолжал он, — собралось министерство из первых талантов всех партий, которому помогают два парламента, где говорит всякий, что хочет, да неограниченная печать» [Погодин 1874: 285]. Разумеется, подчеркивая принципиальное отличие Земской думы от парламента, историк решительно отводил всяческие подозрения в ее конституционной сущности. Но бесспорно, что поборник русской народности склонил-таки голову перед английской гласностью. «Посмотрите на Англию, которая всегда может представить много поучительного, — писал Погодин А.И. Кошелеву в 1858 г. — Возмущение в Ост-Индии считается ли там делом, принадлежащим директорам Компании? Нет, последний матрос, последний помещик считает это дело собственным своим, рассуждает, действует, и единодушные обещивают успех» (цит. по: [Барсуков 16: 19]). Не случайно, историк был в восторге от английского адмирала Чарльза Непира, который, настойчиво и прямолинейно требуя гласности, «призывал правительство к оружию» [Неизданное объяснение М.П. Погодина...: 179]

От реформистских надежд на П.Д. Киселева, навеянных английской действительностью, ничего не осталось. «Управление государственных имуществ», признавал Погодин в период Крымской войны, «одно заботится об освобождении крепостных крестьян». Но заботилось оно все-таки «дурно», с чиновничье-бюрократической, «приказной» точки зрения [Погодин 1874: 263]. Отмежевываясь от Киселева, Погодин, однако, не оставил своей мечты о ликвидации крепостничества. Меры «тихие», «спокойные» и «безобидные», о которых он грезил в Англии, вдруг стали реальностью. Рескрипт В.И. Назимову, работа губернских дворянских комитетов и Редакционных комиссий, наконец, манифест 19 февраля 1861 г. вызвали неописуемый восторг Погодина. «Мы приветствуем теперь новую зарю», — восклицал он (цит. по: [Барсуков 15: 495]).

Восхищаясь «свободной искренней речью англичан» [Погодин 1872—1876 3: 221], историк одобрил судебную реформу 1864 г. и введение суда присяжных по английскому образцу [Там же: 259, 284].

Восторг от буржуазных достижений Англии, имевший место в 1839 г., не прошел бесследно. Являясь акционером Волго-Донской железной дороги [Павленко: 241], Погодин был в восторге от того, «что мы вступаем, наконец, в новый период истории, что у нас повеяло теперь другим воздухом, и мы начинаем видеть, сознавать свои недостатки» [Погодин 3: 364]. Историк покорно признавал теперь, что «все промышленные народы в Европе разбогатели, возвысились, усилились посредством компаний. Довольно указать на Англию...» [Там же: 363]. Погодин

призывал русский народ «кланяться немцам», которые «ушлее (т. е. хитрее, изворотливее. — *Е. И.*) нас наукою». «<...> Укажите, помогите, научите, — умолял он, — мы отстали маленько, благодаря недобрым или неумным людям <...> Надо догонять, безпременно надо догонять» [Погодин 1861: 27]. Политическая экономия, над которой он смеялся в Лондоне, стала теперь жизненно необходимой [Барсуков 18: 91]. Не случайно историк обсуждал проблему строительства железных дорог в России с лидером английских фритредеров Р. Кобденом [Барсуков 21: 166—170].

Как и ранее, Погодин не мыслил Россию без самодержавной власти. Но отношение его к английскому парламенту все-таки изменилось в лучшую сторону. «Как поучительно, приятно наблюдать или созерцать государственных людей Англии! — восклицал историк в “Политическом обозрении 1866 г.” — Чтобы быть там деятелем, нужно иметь великие способности, нужно много учиться, нужно пройти через строгую школу Парламента, нужно иметь силу работать с утра до ночи, и от ночи до утра. <...> Вот где сила Англии! Члены Парламента только что слушай, и, как присяжные, произноси свое: да или нет. Причины все и доказательства перед ними» [Погодин 5: 158]. Что касается аристократии, то и она упрочила свой авторитет в глазах историка. Именно английские лорды, демонстрируя поразительное единение и понимая необходимость уступок, рассуждал он, оказали всестороннюю поддержку талантливому Б. Дизраэли [Там же: 214—215]. Ничего подобного историк не обнаруживал в своей стране. Свергнувшие Бориса Годунова бояре и понятия не имели о прогрессе, желая лишь охранить собственные интересы, был уверен он. Пример Англии, сожалел Погодин, так ничему и не научил русскую общественность.

Подведем итоги. На протяжении всей жизни московский историк Погодин проявлял значительный интерес к Англии. Реальное знакомство с социально-политическим строем этого государства, произошедшее в 1839 г., открыло для него сильные и слабые стороны «туманного Альбиона». Его отталкивали культ денег и бесконечного обогащения, вопиющее социальное неравенство, коррупция, бессилие английской короны. Парламентские прения были, с точки зрения историка, бесполезны. В то же самое время Погодину импонировала любовь англичан к истории, традиции, «обычаю». Английская аристократия показалась ему «величественной». Промышленность и технические достижения ведущей буржуазно-капиталистической державы вызывали восторг. Загородная сельская местность, которую он наблюдал в окрестностях Лондона, выглядела безупречно, разбудив в Погодине либерально-реформистские надежды. Они, конечно, были приглушены в период внутривосточной реакции рубежа 1840—1850-х гг. Но эпоха Великих реформ вернула их к жизни. Ратуя за буржуазно-капиталистическую модернизацию России, он апеллировал к английскому опыту. Ему было ясно: достижения цивилизации, которые он видел в Англии, стали появляться и в России.

Список источников

- Неизданное объяснение М.П. Погодина по поводу его публикации в газете «Парус» / подг. текста, вступит. заметка и коммент. И.В. Логвиновой // Литературоведческий журнал. 2022. № 4. С. 176—187.
- Погодин М.П. Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник: в 3 ч. М.: Типография Н. Степанова, 1844. Ч. 3. 225 с.
- Погодин М.П. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны: 1853—1856 гг. М.: Типография В.М. Фриш, 1874. 390 с.
- Погодин М.П. Сочинения: в 5 т. М.: Синодальная типография, 1872—1876.

Список литературы / References

- Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: в 22 кн. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1888—1910.
(Barsukov N.P. Life and works of M.P. Pogodin: in 22 books, St. Petersburg, 1888—1910. — In Russ.)
- Давидсон А.Б. В поисках туманного Альбиона... Из воспоминаний о Николае Александровиче Ерофееве (1907—1996) // Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 130—140.
(Davidson A.B. In search of foggy Albion... From the memories of Nikolai Alexandrovich Erofeev (1907—1996), *New and Contemporary History*, 1997, no. 5, pp. 130—140. — In Russ.)
- Крюкова О.С. Европейское путешествие (1839) М.П. Погодина // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2025. № 1. С. 63—76.
(Kryukova O.S. European journey (1839) of M.P. Pogodin, *Man: image and essence. Humanitarian aspects*, 2025, no. 1, pp. 63—76. — In Russ.)
- Мазин К.А. М.П. Погодин: человек, историк, публицист, коллекционер, турист... // Современные проблемы сервиса и туризма. 2014. № 3. С. 5—12.
(Mazin K.A. M.P. Pogodin: man, historian, publicist, collector, tourist..., *Modern problems of service and tourism*, 2014, no. 3, pp. 5—12. — In Russ.)
- Павленко Н.И. Михаил Погодин. Жизнь и творчество. М.: Памятники исторической мысли, 2003. 360 с.
(Pavlenko N.I. Mikhail Pogodin. Life and work. Moscow, 2003, 360 pp. — In Russ.)
- Почивалова А.В. М.П. Погодин о проблеме крепостного права в России // Известия Пензенского педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 933—937.
(Pochivalova A.V. M.P. Pogodin about the problem of serfdom in Russia, *Bulletin of the Penza pedagogical university named after V.G. Belinsky*, 2012, no. 27, pp. 933—937. — In Russ.)
- Терещенко В.К. М.П. Погодин в общественно-политической борьбе 30—40-х годов XIX столетия: дис. ... канд. ист. наук. М., 1975. 262 с.
(Tereshchenko V.K. M.P. Pogodin in the socio-political struggle of the 30—40s of the XIX century: diss. ... Candidate of Sciences (History), Moscow, 1975, 262 p. — In Russ.)
- Умбрашко К.Б. М.П. Погодин: Человек. Историк. Публицист. М.: Ин-т рос. истории, 1999. 292 с.
(Umbrashko K.B. M.P. Pogodin: Man. Historian. Publicist, Moscow, 1999, 292 pp. — In Russ.)
- Чикалова И.Р. Наблюдения об Англии и англичанах в эгодокументах и отчетах российских путешественников (конец XVIII — начало XX в.) // Запад—Восток. 2016. № 9. С. 18—35.
(Chikalova I.R. Observations about England and the English in ego documents and reports of Russian travelers (late 18th—early 20th centuries), *West—East*, 2016, no. 9, pp. 18—35. — In Russ.)
- Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г.: учебное пособие. М.: Культура, 1993. 761 с.
(Shapiro A.L. Russian historiography from ancient times to 1917: study guide, Moscow, 1993, 761 pp. — In Russ.)
- Ширинаянц А.А. Русский хранитель. Политический консерватизм М.П. Погодина. М.: Русский мир, 2008. 416 с.
(Shirinyants A.A. Russian khranitel'. Political conservatism of M.P. Pogodin, Moscow, 2008, 416 pp. — In Russ.)

ENGLAND IN THE ASSESSMENTS OF M.P. POGODIN: TO THE EVOLUTION OF SOCIAL AND POLITICAL VIEWS OF THE HISTORIAN

Egor D. Ivanov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russian Federation,
79209292041@yandex.ru

Abstract. This article analyzes M.P. Pogodin's assessment of England's sociopolitical system from the 1830's to the 1860's. Having visited London in 1839, the Moscow historian discovered the strengths and weaknesses of that state. He was repelled by the cult of money, social inequality, corruption, and the impotence of the English crown. Parliamentary debates were, in his view, futile. At the same time, Pogodin was impressed by the English love of history, tradition, and "custom". He found the English aristocracy haughty, yet still "majestic". The industry and technical achievements of the leading bourgeois-capitalist power captivated his imagination. The rural countryside he observed around London appeared immaculate, awakening in Pogodin liberal reformist hopes. These were, of course, muted during the period of domestic political reaction in the late 1840's and early 1850s. But the era of the Great Reforms brought them back to life. Advocating for the bourgeois-capitalist modernization of Russia, Pogodin constantly appealed to the English experience. The English aristocracy and parliament no longer evoked rejection and skepticism, but admiration. Publicity, which had taken root in London, was destined, in his view, to take root in Russia as well. An analysis of the English "theme" in M.P. Pogodin's work is thus conducted in parallel with the identification of shifts in the historian's ideological position as a whole.

Keywords: M.P. Pogodin, B. Disraeli, R. Cobden, C. Napier, E.P. Kovalevsky, P.D. Kiselev, A.I. Koshelev, England, parliamentarism, aristocracy, publicity, conservatism, liberalism

For citation: Ivanov E.D. England in the assessments of M.P. Pogodin: to the evolution of social and political views of the historian, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2026, iss. 2, pp. 122—130.

Статья поступила в редакцию 13.11.2025; одобрена после рецензирования 27.02.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 13.11.2025; approved after reviewing 27.02.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Иванов Егор Дмитриевич — аспирант кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, 79209292041@yandex.ru, SPIN: 3101-8994

Ivanov Egor Dmitrievich — postgraduate student, Department of information technologies in humanities research, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 79209292041@yandex.ru